

ДЕМО-ВЕРСИЯ · БЕСПЛАТНО

Exambooster

Билеты МО: Международная безопасность · Когнитивные · ПЭМО — пробный билет

Один полный билет из пособия — посмотрите формат перед покупкой: обложка-конспект, тезисы для повторения и развёрнутый ответ. В полном пособии — все 22 билета набора (Современные МО С01–С22), всего 173 страницы.

НАПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКИ

41.04.05 «Международные отношения» · магистратура МГИМО

СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ · БИЛЕТ С05 · ДЕМО

Стратегическая стабильность и контроль над вооружениями. Кризис договорной системы (ДРСМД, СНВ-3, ДОВСЕ)

■ Понятие и генезис

- термин признан СССР в Совместном заявлении с США 8.01.1985, закреплён в преамбуле Договора РСМД (7.12.1987);
- США — группа Гальперина (1968–69) → «разрядка» → Договор по ПРО (1972); СССР — «военно-стратегическое равновесие» (1981);
- «Вайомингский компромисс» (сентябрь 1989): разделение СНВ/ПРО, приоритет сокращения тяжёлых МБР, возвратный потенциал.

■ От СНВ-1 к СНВ-3

- СНВ-1 (1991, потолок 6500); СНВ-2 (1993) не вступил в силу; Московский договор/СНП (2002, потолок 2200, без верификации);
- выход США из Договора по ПРО (2002) — первый удар по системе; 3 попытки увязать ПРО и СНВ-3 (2010–2013) провалились;
- СНВ-3/Празжский договор (8.04.2010, потолок 1550), продлён в 2021 г. без изменений — и 5.02.2026 истёк: юридических режимов не осталось вовсе.

■ Распад ДРСМД, ДОВСЕ и ДОН

- ДРСМД (1987): обвинения по ракете 9М729 и Aegis Ashore → выход Трампа (2018–2019);
- ДОВСЕ (1990/1999): «стамбульские обязательства» не признаны выполненными → мораторий РФ с 2007;
- Договор по открытому небу: вышли США (2020), денонсировала Россия (2021).

■ Разрыв 2021–2022

- 15.12.2021 МИД РФ передал проекты договоров о гарантиях: отказ от расширения НАТО, откат сил к 1997 г.;
- 2.02.2022 требования отвергнуты; разрыв закрепила Мюнхенская конференция (18–20.02.2022), затем — начало СВО.

■ После СНВ-3: 2025–2026

- Орешник (ракета средней дальности с РГЧ) впервые применена по Днепру 21.11.2024, с дек. 2025 — на дежурстве в Белоруссии;
- РФ предложила годовой мораторий на лимиты СНВ-3 (до 5.02.2027) при взаимности — США не ответили, Рубио анонсировал «новый» договор «с позиции силы» с участием Китая;
- окт. 2025 — испытания «Буревестника» и «Посейдона» → Трамп объявил о возобновлении ядерных испытаний США; параллельно строится ПРО «Золотой купол», названная РФ и КНР дестабилизирующей.

■ РАЗВЁРНУТЫЙ ОТВЕТ

■ Что такое стратегическая стабильность и почему заговорили о её кризисе

Когда дипломаты и военные говорят о «стратегической стабильности», они имеют в виду состояние отношений между ядерными державами, при котором ни у одной из сторон нет ни возможности, ни стимула нанести первый удар, рассчитывая избежать разрушительного ответа. Это измеримое состояние баланса сил, которое пытались зафиксировать в договорах на протяжении полувека — от первых соглашений об ограничении стратегических вооружений в начале 1970-х годов до документов, подписанных уже в XXI веке. К середине 2020-х годов почти вся эта договорная архитектура оказалась разрушена: из некогда обширного пакета соглашений — по противоракетной обороне, по ракетам средней и меньшей дальности, по обычным вооружениям в Европе, по стратегическим наступательным вооружениям — формально действующим оставался практически только один договор, и тот истёк 5 февраля 2026 года, не будучи заменён ни продлением, ни новым соглашением. Понять, как страны прошли путь от разветвлённой системы взаимного контроля к почти полному вакууму — вплоть до того момента, когда стратегические арсеналы двух ядерных сверхдержав впервые за полвека перестали ограничиваться какими-либо юридически обязывающими рамками, — и значит ответить на вопрос о кризисе договорной системы контроля над вооружениями.

■ Рождение понятия: от разрядки до Договора по ПРО и ДРСМД

Идея стратегической стабильности родилась в США на рубеже 1960–70-х годов. Группа экспертов во главе с Мортонем Гальпериным анализировала складывающийся военный баланс и в 1968–1969 годах пришла к выводу, что вернуть военное превосходство над СССР, которым США обладали в 1950-е годы, уже невозможно. Этот вывод принял президент Ричард Никсон, и он лёг в основу политики «разрядки» — курса на снижение напряжённости и поиск договорных рамок для соперничества сверхдержав. Практическим воплощением стал Договор по противоракетной обороне (ПРО) 1972 года: стороны согласились не создавать общенациональные системы защиты от ракетного удара, поскольку эффективная оборона одной стороны подталкивала бы другую наращивать наступательные вооружения,

чтобы её преодолеть, — парадоксальным образом подрывая стабильность, а не укрепляя её. Этот принцип — оборона дестабилизирует, взаимная уязвимость стабилизирует — стал сердцевинной классического понимания стратегической стабильности.

В Советском Союзе схожая логика формулировалась иначе: XXVI съезд КПСС в 1981 году закрепил понятие «военно-стратегического равновесия» — без детальных военно-технических параметров, но с политическими условиями (отсутствие намерения применять ядерное оружие первым, отсутствие потенциала для обезоруживающего удара). Само словосочетание «стратегическая стабильность» СССР официально признал в Совместном заявлении с США от 8 января 1985 года, а закрепил его в преамбуле Договора о ракетах средней и меньшей дальности (ДРСМД) от 7 декабря 1987 года — первого в истории соглашения, которое не ограничивало, а полностью ликвидировало целый класс вооружений: обе стороны обязались уничтожить наземные баллистические и крылатые ракеты дальностью от 500 до 5500 км. СССР при этом ликвидировал вдвое больше ракет, чем США, — 1836 против 859, включая оперативно-тактический комплекс «Ока», — поскольку по советскую сторону границы таких систем было развёрнуто заметно больше.

■ Вайомингский компромисс и путь от СНВ-1 к СНВ-3

Переговоры о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ) — то есть межконтинентальных баллистических ракет (МБР), баллистических ракет подводных лодок и тяжёлых бомбардировщиков — долго упирались в вопрос об их связи с противоракетной обороной. Решение нашли в сентябре 1989 года на встрече министров иностранных дел Эдуарда Шеварднадзе и Джеймса Бейкера в штате Вайоминг: стороны договорились развести переговоры по СНВ и по ПРО, отдать приоритет сокращению тяжёлых МБР с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (ракет, каждая из которых несёт несколько боеголовок, наводящихся на разные цели), вывести крылатые ракеты за рамки понятия СНВ и закрепить принцип «возвратного потенциала»: боезаряды разрешалось снимать с носителей для зачёта, не уничтожая физически, — арсенал в случае обострения можно было быстро восстановить. Эта договорённость, Вайомингский компромисс, была закреплена Совместным заявлением президентов СССР и США от 1 июня 1990 года и легла в основу Договора СНВ-1, подписанного 31 июля 1991 года (потолок 6500 боезарядов, вступил в силу в декабре 1994 года).

Дальнейшая история СНВ показывает, насколько хрупкой оказалась эта конструкция. Договор СНВ-2, подписанный в январе 1993 года (потолок 3500 боезарядов, запрет тяжёлых МБР с разделяющимися боеголовками), так и не вступил в силу: Верховный Совет РФ отказался его ратифицировать, а когда Государственная дума всё же сделала это в 2000 году, Россия обусловила ратификацию сохранением Договора по ПРО — и после выхода США из этого договора в 2002 году от Договора СНВ-2 в итоге отказалась сама Россия. Взамен в мае 2002 года подписали куда более скромный Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов, известный как Московский договор: потолок в 2200 боезарядов без механизмов проверки выполнения. Полноценная замена появилась только в апреле 2010 года — подписанный президентами Дмитрием Медведевым и Барак Обама в Праге Договор СНВ-3 установил потолок в 1550 боезарядов и пересмотрел Вайомингский компромисс: принцип возвратного потенциала отменили, боезаряды стали засчитывать по фактическому оснащению носителей, а в преамбуле появилась формулировка о взаимосвязи наступательных и оборонительных вооружений — тема ПРО, разведённая в

1989 году, вернулась в повестку. Договор вступил в силу в феврале 2011 года и в январе 2021 года был продлён ещё на пять лет без изменений условий — то есть до 5 февраля 2026 года.

Между подписанием и продлением СНВ-3 стороны трижды пытались и не смогли договориться о том, как встроить в логику стратегической стабильности американскую ПРО в Европе: на саммите Медведев–Обама в июне 2010 года, на саммите НАТО в Лиссабоне в ноябре 2010 года (проект «секторальной» ПРО, при которой Россия защищала бы часть общего периметра, отвергнут Североатлантическим советом в январе 2011 года) и на переговорах в Сочи летом 2011 года. Осенью 2011 года Медведев впервые публично допустил возможность выхода России из СНВ-3, а в 2013 году Обама предложил снизить потолки договора ещё на треть — Путин это отклонил, заявив, что Россия не может допустить нарушения баланса системы стратегического сдерживания.

■ ДОВСЕ: несостоявшийся баланс обычных вооружений в Европе

Параллельно с ядерными договорами существовала система контроля над обычными, неядерными вооружениями в Европе — Договор об обычных вооружённых силах в Европе (ДОВСЕ), подписанный в 1990 году между странами НАТО и Организации Варшавского договора. После распада последней и расширения НАТО договор адаптировали в 1999 году в Стамбуле, перейдя от блоковых к национальным и территориальным потолкам вооружений. Ратификация адаптированного варианта странами НАТО была обусловлена выполнением Россией так называемых «стамбульских обязательств» — вывода войск из Грузии и Молдавии; Москва считала их политическими, а не юридически привязанными к самому договору, и выполнила лишь частично. В результате западные страны адаптированный ДОВСЕ так и не ратифицировали, тогда как Россия сделала это в одностороннем порядке ещё в 2004 году. Ситуацию усугубляло и то, что страны Балтии, вступившие в НАТО в том же 2004 году, вообще никогда не присоединялись к договору — на их территории изначально не действовало никаких договорных ограничений.

Многолетний тупик закончился указом президента России от 7 июля 2007 года о моратории на участие в ДОВСЕ, вступившим в силу в декабре того же года: Россия перестала передавать данные о своих вооружениях и принимать иностранные инспекции. С этого момента ДОВСЕ фактически перестал функционировать как работающий механизм контроля, хотя формально не был денонсирован ещё долгое время. Показательно, что даже после прекращения российского участия страны НАТО продолжали держать обычные вооружения заметно ниже разрешённых договором лимитов — на 30–40 процентов, — то есть регулирующая функция договора для них частично сохранялась, а для России исчезла полностью.

■ Демонтаж 2010-х: ДРСМД и Договор по открытому небу

Если выход США из Договора по ПРО в 2002 году был первым сознательным ударом по системе контроля, а российский мораторий по ДОВСЕ — вторым, то администрация президента Дональда Трампа в 2017–2020 годах взяла курс уже на системный отказ от всех сдерживающих договоров, а не на выход из одного конкретного соглашения. Первой жертвой стал Договор о ракетах средней и меньшей дальности. Обвинения появились ещё в 2014 году, когда Барак Обама впервые на уровне главы государства заявил, что Россия испытывает крылатую ракету наземного базирования 9М729 на запрещённую договором дальность свыше 500 км; Москва отрицала это и указывала на развёртывание США пусковых

установок Mk41 системы Aegis Ashore в Румынии и Польше — формально противоракетных, но способных, по оценке российской стороны, запускать и крылатые ракеты, что тоже нарушало бы договор. 20 октября 2018 года Трамп объявил о намерении выйти из договора, 1 февраля 2019 года США начали формальную процедуру выхода, а на следующий день, 2 февраля 2019 года, Путин объявил о приостановке участия России; 2 августа 2019 года договор прекратил действие для обеих сторон. Ситуацию для России осложняло и то, что Великобритания и Франция, обладающие собственным ядерным оружием и с 2010 года координирующие военную политику по Ланкастерским соглашениям, никогда не были участниками ДРСМД — договор с самого начала ограничивал только Москву и Вашингтон, но не двух других ядерных членов НАТО.

Вторым договором, разрушенным в тот же период, стал Договор по открытому небу 1992 года, разрешавший государствам-участникам наблюдательные полёты над территорией друг друга для контроля военной активности. После серии инцидентов — отказов в допуске наблюдателей и ограничений полётов в 2010-е годы — Трамп в мае 2020 года объявил о выходе США из договора, который состоялся в ноябре того же года. Одиннадцать стран ЕС выразили сожаление, но сохранили формальное участие; Россия же посчитала, что договор без США теряет смысл, и в мае–июне 2021 года денонсировала его собственным законом.

■ Переговоры о гарантиях безопасности и точка невозврата 2021–2022 годов

К концу 2021 года на фоне размещения натовских контингентов в странах Прибалтики, Польше и Румынии и обострения обстановки вокруг Украины Россия предприняла последнюю крупную попытку добиться пересмотра всей архитектуры европейской безопасности не через частные договоры о вооружениях, а через политические гарантии. 15 декабря 2021 года МИД России передал Соединённым Штатам проекты двух документов — двустороннего Договора о гарантиях безопасности и Соглашения с НАТО. Ключевые требования включали юридически закреплённый отказ от дальнейшего расширения НАТО на восток, в том числе за счёт Украины, возврат военной инфраструктуры блока к состоянию на май 1997 года — то есть к моменту подписания Основополагающего акта Россия–НАТО, отказ от размещения ракет средней и меньшей дальности наземного базирования вне национальной территории и восстановление работы Совета Россия–НАТО. Переговоры прошли в Женеве, Брюсселе и в рамках Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в январе 2022 года, но 2 февраля 2022 года США и НАТО дали официальный ответ, подтвердив «политику открытых дверей» и отказавшись гарантировать невступление Украины в альянс письменно, предложив взамен частичные меры — переговоры об ограничении ракет и бомбардировщиков, повышение прозрачности учений. Последующие переговоры Путина с президентом Франции Эмманюэлем Макроном и канцлером Германии Олафом Шольцем результата не принесли, а окончательный разрыв диалога зафиксировала Мюнхенская конференция по безопасности 18–20 февраля 2022 года, где генсек НАТО Йенс Столтенберг заявил о необходимости «больше», а не меньше присутствия альянса — притом что российская делегация в конференции в тот год уже не участвовала. Через несколько дней начался вооружённый конфликт вокруг Украины, ставший финальной точкой демонтажа прежней системы безопасности в Европе.

■ Итоги и значение: что осталось от системы контроля

К середине 2020-х годов из всего многослойного пакета договоров о контроле над вооружениями, выстроенного начиная с 1972 года, формально действующим оставался практически только Договор СНВ-3 — и тот истёк 5 февраля 2026 года (подробнее о том, как именно происходило это истечение и что за ним последовало, — в заключительном разделе). На дискуссионном клубе «Валдай» в конце 2024 года Путин, отвечая на вопрос об истечении договора, подчеркнул, что Россия никогда не отказывалась от диалога по стратегической стабильности, но указал на противоречие: заявленная цель США и их союзников — нанести России «стратегическое поражение» — плохо совместима с предложениями вести содержательный диалог о взаимном ограничении вооружений. Российская сторона настаивает, что при обсуждении будущих ограничений нужно учитывать растущие ядерные арсеналы Великобритании и Франции, а не рассматривать баланс исключительно в формате Россия–США, и отвергает попытки подключить к переговорам Китай без готовности самих США и России сократиться до китайского уровня арсенала. Действующая Концепция внешней политики России, утверждённая в 2023 году, формулирует задачу «дальнейшего поэтапного сокращения ядерных потенциалов» и предписывает при обсуждении контроля над вооружениями «комплексный учёт всех видов вооружений и факторов, оказывающих влияние на стратегическую стабильность, в их взаимосвязи», не ограничивая понимание стабильности балансом одних только ядерных боезарядов.

Формальный юридический контроль над вооружениями к середине 2020-х годов практически исчез. В 2014–2021 годах Россия и НАТО пытались компенсировать этот вакуум менее институционализированными каналами координации — заседаниями Совета Россия–НАТО на уровне постоянных представителей, горячей линией между Министерством обороны России и командованием НАТО, регулярными контактами начальников генштабов, — но и эти каналы во многом свернулись: в ноябре 2021 года Россия приостановила работу своего постоянного представительства при НАТО, а после начала конфликта на Украине в 2022 году институционализированный диалог прекратился почти полностью. Из прежнего набора «мягких» механизмов сохраняются лишь отдельные каналы военной деэскалации, но они не заменяют юридически обязывающих договоров с проверяемыми потолками вооружений. Добавляются и новые факторы риска, которые прежняя договорная система не учитывала вовсе, — размывание грани между ядерным и обычным высокоточным оружием, распространение гиперзвуковых систем и кибероружия, а также растущая роль ядерного потенциала Китая, из-за которой прежний двусторонний формат Россия–США постепенно перестаёт описывать реальную конфигурацию ядерных держав. Именно в этом контексте стоит понимать смысл вопроса о кризисе договорной системы: речь не об отдельной неудаче одного соглашения, а о последовательном распаде на протяжении более двух десятилетий целой архитектуры взаимного контроля, которая замещается куда менее надёжными и проверяемыми формами координации.

■ **Финал: истечение СНВ-3 и первые контуры постдоговорной эпохи (2025–2026)**

Развязка наступила в начале 2026 года: договор истёк, юридически обязывающей заменой он обеспечен не был. В сентябре 2025 года Путин предложил Вашингтону после 5 февраля 2026 года год на добровольной основе соблюдать центральные количественные ограничения СНВ-3 (до 5 февраля 2027 года) — при условии зеркального шага США и отказа от размещения оружия в космосе. Официального ответа Москва не получила: 5 февраля

2026 года, в день истечения договора, Трамп заявил, что США будут добиваться не восстановления прежней схемы, а «нового, улучшенного и модернизированного» договора, неформально подтвердив готовность пока не превышать прежние потолки. Госсекретарь Рубио 6 февраля пояснил, что переговоры пойдут «с позиции силы» и что без участия Китая — чей арсенал вырос с немногим более 200 боезарядов в 2020 году до более чем 600 к 2026-му и, по американским оценкам, может превысить 1000 к 2030-му — полноценный контроль невозможен: риторически это почти дословно воспроизводит российский тезис о третьих арсеналах (Валдай-2024, только уже не о Британии и Франции, а о КНР). Лавров 11 февраля подтвердил Думе, что Россия соблюдает мораторий, но лишь «до тех пор», пока лимиты не превысят США.

Параллельно обострилась и предметная гонка вооружений. В конце октября 2025 года Путин сообщил об успешных испытаниях крылатой ракеты с ядерной энергоустановкой «Буревестник» (беспосадочный полёт около 15 часов, 14 тыс. км) и подводного аппарата «Посейдон» на ядерной силовой установке — назван «оружием, не имеющим аналогов» и не поддающимся перехвату. В ответ 30 октября 2025 года Трамп поручил Пентагону «немедленно» готовить возобновление испытаний ядерного оружия США, хотя, по оценкам специалистов, реальная готовность потребует не менее нескольких лет. Одновременно администрация Трампа продвигает систему ПРО «Золотой купол» (указ от 27 января 2025 года, бюджет порядка 175 млрд долларов) — многоуровневую защиту территории США, в том числе от ударов России и Китая, с космическими сенсорами и перехватчиками; 20 мая 2026 года по итогам визита Путина в Пекин Россия и Китай в совместном заявлении назвали программу «глубоко дестабилизирующей» — по сути, воспроизводится спор вокруг Договора по ПРО 1972 года и его демонтажа в 2002 году, только на новом технологическом витке и с китайским измерением. Материальную форму обрёл и российский ответ на распад ДРСМД: баллистическая ракета средней дальности «Орешник» с РГЧ, впервые применённая в боевых условиях 21 ноября 2024 года по заводу «Южмаш» в Днепре (в ответ на удары АТАСМС и Storm Shadow по Брянской и Курской областям), к концу декабря 2025 года заступила на боевое дежурство в Белоруссии — первое такое размещение за пределами России.

Российские эксперты (РСМД) описывают истечение СНВ-3 не как начало новой гонки вооружений, а как констатацию того, что она идёт уже давно и смещена в качественную плоскость: решающим фактором становится не число боезарядов, а новые системы вне рамок прежних определений (гиперзвук, ядерные энергоустановки большой дальности, подводные беспилотники, космическая ПРО) и рост третьих арсеналов, прежде всего китайского. Диалог по стратстабильности не оторван от украинского кризиса: параметры урегулирования обсуждались на саммите Путина и Трампа на Аляске 15 августа 2025 года («дух Анкориджа»), а к июлю 2026 года Киев отверг предложенный Вашингтоном рамочный план, тогда как Путин обозначил основой стамбульские договорённости 2022 года и «реалии на земле» — но ни по Украине, ни по новому режиму контроля над вооружениями формальных договорённостей к середине 2026 года достигнуто не было.

EXAMBOOSTER

Понравился формат? Заберите полное пособие

В полном издании «Билеты МО: Международная безопасность · Когнитивные · ПЭМО» — все 22 билета набора (Современные МО C01–C22): 173 страниц в таком же формате + доступ в закрытый Telegram-канал, где каждый билет — отдельный пост с навигацией.

Купить	https://app.exambooster.ru/checkout?product=mo-ump
Все материалы	magistratura.exambooster.ru/materialy
Telegram-канал	@mgimo_exambooster
Телефон	+7 (925) 886-41-35
E-mail	info@exambooster.ru

Цена — 8000 ₽, разовый платёж:
пособие в PDF + закрытый канал.

Дмитрий Санько — основатель Exambooster, выпускник МГИМО (МЭО, 2010) и Ryerson University, ex-преподаватель МГИМО. · ИП Санько Дмитрий Сергеевич, ИНН 772854182473.